

Ольга ТИТОВА

ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГА

Ольга Алексеевна Титова родилась в Свердловске. Окончила Уральский государственный университет, работает ведущим программистом в коммерческой фирме. Член Уральского историко-родословного общества (УИРО) и Уральского генеалогического общества (УГО), автор статей по генеалогии и краеведению, эксперт по делам архивов при правительстве Свердловской области. Сфера интересов: изучение миграций и жизни семей заводских крестьян и мастеровых южно-уральских заводов, изучение родственных связей Сергея Тимофеевича Аксакова с дворянскими родами Оренбургской, Самарской, Уфимской губерний (www.nagatkin.ru). Живёт в Екатеринбурге.

Когда изучаешь архивные документы, то, бывает, просмотрев большое количество документов до «песка в глазах», не находишь то, на что рассчитываешь. Зато можешь найти нечто неожиданное. Расскажу о недавней такой находке среди документов государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

В архивном фонде 173-го фонда в описи № 11 сосредоточен массив исповедных ведомостей (называемых ещё исповедальными росписями или духовными росписями) православного населения городов, а также малых и больших крепостей Оренбургской губернии с 1758 года по начало XIX века. Что это за документы? В дореволюционной России каждый православный прихожанин, достигший семилетнего возраста, обязан был явиться в церковь раз в год в течение Великого поста, предшествующего Пасхе, для исповеди и святого

причастия. Священники составляли списки прихожан, явившихся на исповедь, а также списки не явившихся на исповедь. Списки составлялись в особом порядке: вначале записывались духовные лица с семьями, затем военные, статские, отставные военные, вдовы военных, купцы, мещане и крестьяне — все с семьями. В списках велась сплошная нумерация, указывался номер семьи (дома), а также по отдельности нумеровались мужчины и женщины. Указывался возраст каждого члена семьи, включая детей. Если семья была дворянской, то переписаны были также «дворовые их люди». В конце списка рисовалась итоговая табличка с указанием, сколько в приходе исповедавшихся и причастившихся лиц мужского и женского пола, сколько исповедавшихся, но не причастившихся, а также не достигших семи лет. Документ составлялся в двух экземплярах. Один экземпляр хранился в приходе, другой отправлялся в вышестоящую духовную инстанцию.

До революции этот документ иногда (в случае утраты метрических книг) использовался для подтверждения факта и года рождения человека. К сожалению, исповедные росписи редко где сохранились. Для современных исследователей — историков, краеведов, генеалогов — исповедные росписи являются богатым

источником информации о жителях населённых пунктов, составе семей, годах рождения.

Моё особенное внимание привлекло дело № 23. Как указано в описи, это «Духовные росписи церковей города Оренбурга: собора Преображенского; церковей Троицкой, Николаевской, Благовещенской, Воскресенской, Георгиевской, Тюремного замка за 1773 г.». Дело составлено из нескольких документов — отдельный документ по каждому церковному приходу (церкви) со сплошной нумерацией листов, как и положено в архиве. Сохранность документов разная, качество текстов также. Известно, что уже осенью того же тысяча семьсот семьдесят третьего года город Оренбург будет осаждён пугачёвцами. В православной традиции Великий пост приходится на весну, а значит, и приведённые в росписи сведения относятся к весне 1773 года. Возможно, многим людям, записанным в этих списках, придётся пережить или не пережить осаду пугачёвцев. Не найду я ли в списках кого-то из своих предков? Невольно вспомнилась и «Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина. Всё это заставляло меня более тщательно вглядываться в буквы. У первого документа в деле часть заголовка, та, где должно быть название церкви, утрачена. Можно прочитать часть имени священника

Тимофеева Алексея, и чётко обозначен год 1773-й. Далее переписаны священники Оренбургского Преображенского собора, из чего можно сделать вывод, что это роспись прихода Преображенского собора. Я нашла в этом документе парочку уже знакомых мне по предыдущим изысканиям, но не родственных фамилий.

Следующий документ дела начинается с листа № 33 и заканчивается листом № 57. Как назло, этот документ оказался для меня трудночитаемым. Глаза мои скользили по документу, губы шептали нелестные эпитеты в адрес неведомого писца, а мозг был озабочен тем, что наверняка пропущу (не пойму) что-то важное. Фамилии, уже знакомые мне по моим поискам, и те, которые я надеялась найти, не встретились в этом документе вообще. Однако после многих попыток связно прочитав текст одна из фамилий неожиданно сложилась в известную — Державин! Полная же запись после расшифровки выглядит так: л. 34 «№ 7/17 Пензенского гарнизонного полка полковник Роман Николаев сын Державин — 40, ж. Фёкла Андреева — 33, дети их: Гаврила — 9, Андрей — 8». Далее на листе № 52 встретилась ещё одна известнейшая фамилия: «4 роты №178/6/28 прапорщик Михайла Егоров сын Карамзин — 27, ж. Катерина Петрова — 22». Обе эти фамилии, Державин и Карамзин,

известны каждому россиянину, и, хотя эти исторические деятели никогда не были предметом моих изысканий, мне было интересно: кого же именно из этих семей я нашла? Довольно быстро я выяснила, что Роман Николаевич Державин — это отец поэта, а девятилетний Гаврила — сам поэт. Известна и точная дата рождения знаменитого поэта Гаврилы Романовича Державина. Это 14 июля 1743 года¹, тогда девять лет ему должно было исполниться в июле 1752 года, а никак не в 1773 году. И ещё: отец поэта «отставлен в 1754 году полковником» от службы², что никак не соответствовало тому, что я вижу его в документе 1773 года.

Тогда я взялась за Карамзиных. Я несколько раз перечитала работу известного оренбургского историка Елены Владимировны Мишаниной, касающуюся семьи Николая Михайловича Карамзина³. «Железобетонные» документальные основания, приведённые в её работе, убедили меня в том, что Михаил Егорович Карамзин, отец известного историка, также не мог служить в Оренбурге

---

1 Кузнецов Валерий «Умом громам повелеваю...» //Гостинный двор (альманах), г. Оренбург, 2013 г., № 43, с. 48

2 Там же, с.48

3 Мишанина Е.В. «Особое свидетельство. Хроники оренбургских Карамзиных» //Гостинный двор (альманах), г. Оренбург, 2016 г., № 55, с. 266

в 1773 году. Ещё в 1762-м году он вышел в отставку. Эти несоответствия заставили меня вернуться к началу документа и ещё раз внимательно изучить первую его страницу — лист № 33. Удалось разобрать, что это «Роспись города Оренбурга приходской Троицкой ц. священника Козьмы Иванова... с причетником, обретающимся при оной церкви...», а вот год в заголовке, оказывается, НЕ указан! Таким образом, перед мной документ однозначно не 1773 года, а более ранний. В этой росписи мне встретился ещё один известный для Оренбурга деятель, Пётр Степанович Обухов, один из будущих руководителей обороны Оренбурга от пугачёвцев: л. 50 «3-й роты прапорщик Пётр Степанов Обухов — 29 лет».

Вероятно, когда-то давно документ по ошибке был скреплён с более поздними и таким образом затерялся под видом росписи 1773 года. Конечно, необходимо точное экспертное определение возраста этого документа, что является непростым делом. Я же позволю себе предположить, что листы 33-57 дела № 23 173 фонда, 11 описи представляют собой исповедную роспись Троицкой церкви Оренбурга за 1752 или 1753 год.

Эта случайная находка может оказаться маленьким звеном в цепочке открытий других исследователей и позволить получить дополнительную информацию о штрихах в биографиях известных людей и обстоятельствах их жизни.